Веч. клуб. — 1996. — 5 нояб. — С.7.

Клубные встречи

— Санечка! — позвала она, не прикрыв телефонную трубку.

Было слышно, как он ответил из другой комнаты:

— Иду, Ляленька!

И — пауза. Идет к телефону восьмидесятитрехлетний Санечка, фронтовик с простреленным легким. Санечка, известный нескольким поколениям читающих людей. Санечка — сценарист таких замечательных фильмов, как "Три тополя на Плющихе" и "Дамский портной".

Они поженились пятьдесят лет назад. Редактор киевского журнала "Театр" Александр Михайлович Борщаговский и Валентина Филипповна, к тому времени уже два года как вдова. Санечка и Ляленька.

Скоро по решению Оргбюро ЦК ВКП(б) его взяли в Москву, в редколлегию журнала "Новый мир", и еще он стал завлитом Театра Советской Армии. А потом завидный муж Санечка оказался безродным космополитом, и началась их пятилетняя одиссея — без крова, без работы, без уверенности в том, где придется встретить завтрашний день: в постели (не своей — жили по знакомым) или на нарах.

А мемуары свои Александр Борщаговский назвал "Записки баловня судьбы". Почему?

Они смотрят друг на друга с любовью. Они говорят, зажигаясь друг о друга, друг друга подхватывая и дополняя.

Валентина и Александр БОРЩАГОВСКИЕ:

У нас свой счет времени, и он бесстыдно молодой

В.Ф. — Я помню коллективизацию, голод, когда, случалось, открывали двери домов и не могли открыть, потому что снаружи лежал человек, который дополз до порога в надежде получить хлеба. Тридцать седьмой год, когда расстреляли отца. Не успели оглянуться — сорок первый. Кончилась война — счастье, встретила Александра Михайловича. Я не очень поняла, как вышла замуж. Работала в Комитете по делам искусств, и в один прекрасный день ранней весной в конце рабочего дня мы сидели на улице, и я почувствовала взгляд. Прожигающий. Я оглянулась и увидела господина в плаще с оборванной подшивкой. Он не выглядел преуспевающим...

А.М. — ... еще не представлял себе, на что похожа сберкнижка...

В.Ф. — ... При том, что всех театральных знаменитостей Киева я знала, с Александром Михайловичем мы прежде не встречались. На следующий день он меня пригласил на просмотр в оперный театр. А потом уехал в Москву за новым назначением и оттуда прислал телеграмму, чтобы я собиралась. Вот как я вышла замуж. Потом зарегистрировались, потому что Москва — режимный город, и с моей биографией нельзя было вольничать. И отец расстрелян, и в оккупации была два года и три месяца. Мне надо было аккуратно жить.

А.М. — Твой рассказ исключает понятие любви.

В.Ф. — А про любовь совершенно ясно, потому что твой взгляд, который прожег мне спину, это и был сигнал... Я в двадцать лет овдовела: муж погиб на фронте. И вот этот взгляд. И все покатилось, покатилось. Потом-то я выяснила, что это был кавалер номер один города Киева...

А.М. — ... Ей говорили подруги: "Что ты делаешь?!"

В.Ф. — ... Да, но было уже поздно.

А.М. — ... Во мне было нелепое сочетание застенчивости до определенного момента и очень свободной жизни, поскольку дом не связывал и то, что было раньше, не связывало, хотя дочь у меня была. Она живет сейчас в Киеве, очень привязана к нам с Валентиной Филипповной. В общем, я был свободный мужчина и сам не верил, что такое может случиться и заполнит всю жизнь.

В.Ф. — Не успели оглянуться, как жизнь схватила за горло. С сорок девятого по пятьдесят третий... Это длилось для нас дольше, чем война.

А.М. — Кто-то правильно сказал, что сороковые годы напоминали ситуацию после войны восемьсот двенадцатого года, когда Европа заразила даже государя идеями свободы, и это обернулось восстанием декабристов. Вот ЦК и начал принимать превентивные меры. Постановление сорок шестого года "О репертуаре драматических театров". После него оказались запрещенными все современные пьесы. Только две на плаву остались: "Старые друзья" Малюгина и "За тех, кто в море" Лавренева. Они и шли по всей стране. А затем было постановление о журналах "Звезда" и "Ленин-град", обрушившееся на Ахматову и Зощенко, статьи в "Правде", уничтожавшие Прокофьева и Шостаковича. Началась кампания борьбы за приоритеты — тогда появилась пословица "Россия — родина слонов": все изобретено в России, и радио, и самолет, и паровоз, и нечего оглядываться на гнилой Запад. В сорок восьмом убили Михоэлса.

В.Ф. — Александр Михайлович написал об этом книгу "Обвиняется кровь"...

А.М. — А в сорок девятом была напечатана статья в "Правде": "Об одной антипатриотической группе театральных критиков". Написать ее ЦК поручил Фадееву и Заславскому. В статье, кроме пяти евреев — Борщаговского, Гурвича, Холодова, Варшавского и Юзовского, — были предусмотрительно названы Бояджиев, армянин по крови, и Малюгин, автор тех самых "Старых друзей" — на пьесу как-то не посягнули, а били за его театральную критику, за желание написать о спектакле после премьеры, не дожидаясь того, что скажет о нем "Правда". Была такая газета "Культура и жизнь". Она первая в практике советской печати объявила, что Ефим Холодов — не Холодов, а Меерович... Через два-три дня мы из "антипатриотической группировки" превратились в "антипатриотов", а потом в "безродных космополитов". На Оргбюро ЦК, когда решалось, что с нами делать — с этой семеркой, — Маленков громко возгласил: "На пушечный выстрел не подпускать к святому делу советской печати". Иногда это принимало трагикомические формы. Генерал-лейтенант Сергей Савельевич Шатилов, славный человек, заместитель начальника ГлавПУРа всех войск страны, обнимая меня за плечи, говорил перед началом партийного собрания в Театре Советской Армии: "Помоги нам, Саня". Это я им должен был помочь разделаться со мной на собрании, после которого меня со всей семьей выставили с квартиры... Я же как завлит ЦАТСА был в военной партийной организации, а не в писательской. Словом, со мной разделались, а в Киеве все еще бродили отзвуки нашего с ней союза — назовем так, потому что свадьбы не было, — нашей непонятной жизни в Москве. Как они там? Да ясно, как: он раздавлен, уничтожен, и, конечно, она его бросила. И уже кто-то якобы видел ее в Киеве — сразу фантазия начала работать.

В.Ф. — Ну зачем это говорить?

А.М. — Я не понимаю, Ляленька, почему ты нервничаешь. На мой взгляд, то, что случилось с нами, — это редчайший случай почти мгновенного, нерассуждающего влечения, которое, как видишь, продержалось пятьдесят лет.

В.Ф. — А тогда жить было негде и не на что.

А.М. — На третью неделю после публикации правдинской статьи я уже сидел в Ленинке, работал. Через полтора года написал исторический роман "Русский флаг", большой — сорок два печатных листа. Заработок за все это время у меня был только однажды, когда Фадеев снизошел, позволил мне по подстрочнику сделать перевод с башкирского языка. Были иски издательств, совершенно незаконные, по моим книжкам, которые вышли, но были уничтожены в типографиях, поскольку на них стояла моя фамилия... Материально три человека нам помогали. Это Виктор Некрасов, близкий нам человек, приезжавший специально из Киева, это Константин Симонов и харьковчанин Владимир Добровольский, автор повести "Трое в серых шинелях", которую я раскопал, нашел, — она была в тетрадях от руки написана. Повесть опубликовали в "Новом мире", она получила Сталинскую премию. Это необыкновенно совестливый, прелестный человек. Всю жизнь мы переписывались.

В.Ф. — Вообще было много друзей. Вы понимаете, какую-то часть друзей мы потеряли, как положено...

А.М. — ... Единицы мы потеряли...

В.Ф. — ...А приобрели много друзей, и каждый в меру своих возможностей помогал.

А.М. — Мы же в Москве жили по разным домам. В час — половине второго ложились спать, чтобы если придет с обходом милиция, сказать, что мы просто задержались в гостях, а не живем без прописки... Если вам нужен эмоциональный ключ к нашим отношениям, то представьте: мы жили в полуподвале на улице Кирова. Квартира эта, к слову, принадлежала Мише Вершинину, доброму, полубезумному поэту, в котором все переплелось: авантюризм, доброта, распахнутость, частые разговоры по телефону с Василием Сталиным. Это он написал знаменитую в свое время песню "Москва — Пекин". Был он вечно голодный, мечтал наесться рафинада — а рафинад он грыз до голубых искр — и еще мечтал, что когда-нибудь Валя сварит ему ведро клюквенного киселя... Мы у него в полуподвале ночевали, мы скрывались, потому что по улице Кирова на работу ездил Берия — это страшно, если бы нас там обнаружили. Нас было трое: я, Валя и наша младшая дочка, которой сейчас будет сорок восемь лет и которая большая "начальница" в детском изобразительном искусстве. Нужда была страшная. Вот такой этюдик: оборваны провода, нет света, ночью что-то затревожило Валю, она встает и видит, что я, выбравшись из постели, стираю белье для нас и для девочки. И она заплакала. Это были слезы не жалости, а счастья тем, что нас ничто не разорвет.

В.Ф. — А уехать из Москвы было некуда.

А.М. — Хотя это приходило мне, дураку, в голову. Я написал письмо в ЦК: прошу послать меня в самую захудалую деревенскую школу, я могу читать детям литературу и географию. Я очень любил географию и, наверное, мог бы даже в вузе ее преподавать... Через несколько дней заместитель начальника отдела пропаганды и агитации, такой Федор Федорович Головенченко, выступая на всесоюзном активе работников искусств, где каждый второй знал меня, сказал: вот до чего они дошли, вот чего этот человек просит — послать его в школу, детей нам портить! У нас, сказал он, пастухи — Герои Социалистического Труда, а он хочет наших детей пасти!

В.Ф. — Наконец умирает Сталин, очередной раз жизнь прекрасна и полна надежд на справедливость... Потом мы еще не раз это проходили.

А.М. — В мае пятьдесят третьего вышел из печати мой роман "Русский флаг". А мы тогда в полном отчаянье уехали в деревню под Киев. И вдруг дядя, военный врач, присылает нам из Ленинграда книжку!

В.Ф. — Нам тогда дали квартиру в полуподвале — мы были счастливы бесконечно. Я мечтала после всех этих блужданий иметь свой дом. Золотую свадьбу нам будут устраивать дети, я столько с ними спорила, чтобы устроить праздник здесь, у нас...

А.М. — ...Все-таки остановились на мастерской...

В.Ф. — ...У дочки муж и сын художники, у них замечательная мастерская. Там красиво — картины, — и несколько раз они уже устраивали там праздники, всегда прекрасно получалось. И вторая дочка приезжает из Ленинграда.

А.М. — У нас еще в Киеве дочка Кира с мужем, двое внучек и четверо правнуков — куча народу. Но даже если только приедут Кира и Юра, муж ее, да наши здешние — Светлана и Алеша*, Алена и Агон, ее муж — он внучатый племянник Сукарно...

В.Ф. — ...Сукарно, если вы не помните, был президентом Индонезии до катастрофы, которая там случилась...

А.М. — ...И внук Алеша с Олечкой...

В.Ф. — ...Орава!

А.М. — Наши сверстники вымерли. Несколько человек придут, если смогут. Нам недавно прислали календарики киноклуба и писательского клуба. Там отмечены юбиляры: кому пятьдесят, кому семьдесят лет, а если кому-то больше восьмидесяти, отмечают уже не круглые даты, а каждый прожитый год...

В.Ф. —... Это не очень корректно: человеку напоминают, что у него счет идет уже не на десятилетия, а на годы...

А.М. — ... Мы к этому относимся с небрежением, у нас свой счет времени, и он бесстыдно молодой. Но я сейчас говорю о другом: и у киношников, и у писателей отмечены мои ровесники, кому восемьдесят три, кому чуть больше или меньше. А меня в этих списках не было ни разу! Психологически люди меня не в состоянии рассматривать в этой возрастной категории. Они если и увидят где-нибудь год моего рождения, подумают — опечатка.

* Светлана Кармалита и ее муж кинорежиссер Алексей Герман.

Юго-Западный фронт, 1942 год. Через четыре года он встретит Ляленьку.

Такая она была.

Когда у нас в редакции ломается лифт, Александр Михайлович как ни в чем не бывало поднимается пешком на пятый этаж. А редакция, если кто-то не видел, — не в "хрущобе", этаж в нашем старом доме можно считать за два в современном. Это что касается физической формы. А что касается интеллектуальной — вы же, наверное, читали в "ВК" отрывок из новой пьесы Александра Михайловича "Король и шут" (полностью ее собирается опубликовать журнал "Театр"). И "Записки баловня судьбы" продолжаются. Герой уже третьей книги "Записок" — Анатолий Суров, литературный авантюрист и уголовник, лауреат Сталинских премий, полученных за пьесы, которые он украл у других.

А еще у Александра Михайловича и Валентины Филипповны очень молодые друзья — Юрий Щекочихин, Олег Хлебников и другие "сынки" и "дочки". Что ни говори, а они в самом деле баловни судьбы — Санечка и Ляленька.

Встречался Евгений НЕКРАСОВ.
Фото Игоря ИВАНДИКОВА
и из домашнего архива Борщаговских.